

В 2011 г. исполнилось 100 лет со дня рождения К. И. Щёлкина, трижды Героя Социалистического Труда, члена-корреспондента АН СССР. С 1947 до 1955 г. он работал в КБ-11, был первым заместителем научного руководителя ВНИИЭФ Ю. Б. Харитона

Об Уральском научно-исследовательском центре по атомному и водородному оружию

(Письмо члену Президиума и секретарю ЦК КПСС Н. Г. Игнатьеву от 13 января 1958 г.)

К. И. ЩЁЛКИН

Решением ЦК КПСС на Урале создан научно-исследовательский и конструкторский центр по атомному и водородному оружию — НИИ-1011.

За два года существования института в нем разработано несколько типов атомных и водородных зарядов. Коллектив института тем самым подтвердил работоспособность. Институт имеет и другие достижения, например, впервые на Урале работает пущенная и отлаженная силами института электронно-вычислительная машина «Стрела-3». Сильный математический центр института способен производить самые сложные математические вычисления. В институте монтируются и другие счетные машины.

По существу НИИ-1011, как и КБ-11 МСМ, является группой крупных научно-исследовательских институтов и конструкторских бюро.

Линию ЦК КПСС на создание в восточных районах страны современных научно-исследовательских центров, оснащенных новейшим оборудованием, я считаю единственно правильной линией развития и реконструкции советской науки. В этом отношении НИИ-1011 имеет хорошие перспективы, поскольку намеченная программа строительства, в случае ее своевременного осуществления, создаст благоприятные перспективы для работы большого коллектива.

Однако я хочу обратить Ваше внимание на одно очень слабое место, возникающее с самого начала организации института, грозящее непоправимыми последствиями.

Дело в том, что институт очень слабо укомплектован научными кадрами. В институте много талантливой молодежи, проявившей себя с самой лучшей стороны на практической научной работе, но все же научных кадров слишком мало. В институте, с коллективом более двух ты-

сяч человек, работает лишь два доктора наук и 10 кандидатов наук. Правда, среди молодых ученых есть несколько человек вполне достойных ученой степени доктора наук и около двадцати человек, которым давно пора быть кандидатами. Все они не могут привести в порядок свои дела с учеными степенями вследствие непомерной загрузки работой. Но все же в институте, особенно если учесть его сложные и трудные задачи, слишком мало ученых. На каждого опытного и самостоятельного ученого приходится несколько десятков молодых сотрудников. Многие молодые специалисты, а подчас и целые отделы и сектора, остаются без научного руководства.

В одном из самых сильных секторов института, в математическом, работает лишь один доктор наук — Н. Н. Яненко, руководящий сектором. Для сравнения приведу данные по московскому институту — ОПМ МИАН, имеющему такую же технику, аналогичную тематику, примерно тот же объем работ и личный состав той же численности. Во главе ОПМ стоит акад. М. В. Келдыш, в нем работают чл.-корр. АН СССР А. Н. Тихонов и И. М. Гельфанд, доктора наук А. А. Самарский, К. А. Семендяев, М. Р. Шура-Бура, В. Е. Кузнецов, К. И. Бабенко, А. А. Ляпунов и др. Ясно, если мы хотим сделать математический центр НИИ-1011 жизнеспособным и поддержать его высокий науч-

К. И. Щёлкин

ный уровень, мы должны всемерно укрепить его высококвалифицированными людьми.

Наиболее слабый сектор НИИ-1011 — сектор ядерной физики — вообще не имеет научных работников с ученой степенью, за исключением кандидата наук Л. В. Порецкого, которому надо было бы несколько лет проработать старшим научным сотрудником и которому, вследствие недостатка ученых, мы поручили лабораторию. Естественно, работа в этой лаборатории ведется на низком научном уровне. Вся экспериментальная работа по ядерной физике в институте находится на грани полного вымирания.

Несколько лучше положение в теоретических секторах и в секторе экспериментальной газодинамики, но в целом по институту положение с научными кадрами остается очень тревожным.

Здесь мы подошли к общей проблеме научных кадров в МСМ.

В последние годы из МСМ с работ, связанных с атомным и водородным оружием, ушло подавляющее большинство известных крупнейших ученых, например акад. И. Е. Тамм, Н. Н. Боголюбов, М. А. Лаврентьев, Л. Д. Ландау, чл.-корр. АН СССР Г. Н. Флёрв, Е. К. Завойский, А. А. Илюшин, И. М. Франк, В. Л. Гинзбург, проф. Д. А. Франк-Каменецкий, И. М. Халатников и многие способные молодые ученые.

Отлив из МСМ крупнейших ученых я считаю явлением закономерным. Они были сосредоточены для решения проблемы создания атомной и водородной бомб, в свое время имевшей огромное государственное значение. После создания атомной и водородной бомб, когда это направление науки отошло на второй план, ученые ушли с работы по проблеме. Их вдохновляли крупные задачи, они работали только потому, что понимали важность задач и их величественность. Потом они перешли на другие более важные и более приятные дела.

Однако, если есть некоторые основания для демобилизации ряда крупных ученых, то, по моему убеждению, нет никаких оснований для полной научной демобилизации в этой области. К сожалению, такая демобилизация идет. Мало того, что вместе с крупнейшими учеными из МСМ ушло много молодежи, которая еще могла бы поработать над проблемами усовершенствования оружия, ряд специалистов, под теми или иными предлогами, перешел в Москву, некоторые из них ушли в аппарат министерства.

Между тем ослабление научно-исследовательской работы в области усовершенствования атомного и водородного оружия и прекращение по-

исков новых направлений, поисков новых видов физического оружия в наш стремительный век может привести к печальным неожиданностям. Пока ослабление научной работы мало сказывается на разработке оружия. Упадок науки отразится на работе конструкторов позже, когда истощаются старые, почти не пополняемые научные запасы.

Я сейчас говорю не только о НИИ-1011. Я знаю, что в КБ-11 существует аналогичное положение. Вообще из МСМ улетучилась научная атмосфера, без которой невозможна никакая творческая работа. Исчезновение научной атмосферы объясняется не только уходом большинства крупных ученых, но и тем, что все институты Академии наук, ранее занимавшиеся проблемами, связанными с разработкой оружия, теперь прекратили эти работы: ЛИПАН, Институт физических проблем, ФИАН, нынешний институт в Дубне, Лаборатория В — группа Блохинцева и др. Это обстоятельство резко сократило количество людей, занимающихся наукой в области вооружения, прекратило приток новых идей, прекратило рост молодежи и приток ее из этих институтов в КБ-11 и НИИ-1011. Небольшое число крупных специалистов, оставшихся в МСМ, заняты залатыванием прорех, обучающихся то здесь, то там. Их начинает уже захлестывать текущая работа по созданию зарядов для возросшего числа носителей.

Как же быть дальше?

Мне представляется, что сначала надо выяснить, почему не только пожилые академики, но и много молодежи ушло из МСМ, почему научные работники очень неохотно уезжают из крупных городов в секретные институты МСМ, особенно удаленные от Москвы.

Как уже говорилось, основная причина — это превращение проблемы ядерного оружия в повседневное дело.

Как же привлечь к трудной, длительной, первостепенной, но очень важной работе высококвалифицированных и талантливых людей?

Надо устранить препятствия, мешающие талантливым ребятам работать в институтах МСМ, находящихся далеко от Москвы. Многие понимают важность работы в области вооружения, но боятся:

– лишиться возможности возвратиться в Москву, если они заболеют, или если кончится работа по их специальности, или если они не справятся с работой, или не сработаются с руководством;

– выпасть из научного мира, коль скоро не смогут печатать свои научные работы;

К. И. Щёлкин, Ю. Б. Харитон, И. В. Курчатов

– отстать от своих московских коллег, поскольку на работах в МСМ значительно труднее получить ученые степени и звания, чем на открытых;

- потерять работу в вузе;
- попасть вместе с семьями навечно в плохие бытовые и культурные условия жизни;
- лишиться зарубежных командировок.

Вопросы зарплаты не имеют для научных работников особого значения, коль скоро наша партия обеспечила всех ученых, имеющих ученые степени, хорошим заработком. Однако следует развеять миф о том, что ученые, работающие в институтах МСМ, удаленных от Москвы, зарабатывают больше своих московских или ленинградских товарищей, работающих на неоткрытых работах.

Доктор или кандидат наук, как и все сотрудники НИИ-1011, получает ту же зарплату, что и любой московский или ленинградский ученый того же ранга плюс 30 % надбавки (за исключением нескольких человек, за которыми сохранена повышенная надбавка). Однако почти каждый московский или ленинградский ученый в

На отдыхе

счет своего рабочего дня преподает в вузе, за что он получает еще 50 % оклада. Ученые НИИ-1011 преподавать не могут. Если же учесть, что многие работники НИИ-1011 отстают в научных степенях и званиях, примерно на одну ступень, и учесть более тяжелые условия жизни и снабжения, то ясно, что их реальная зарплата не выше зарплаты московских или ленинградских товарищей той же квалификации. Правда есть исключения. Мы иногда, как говорилось выше, вынуждены назначать на высокие должности людей слабой квалификации. Это люди, может быть, в Москве или Ленинграде не получили бы своей нынешней зарплаты. Но в том и беда, что страдают, как правило, лучшие работники. А научный уровень института от таких выдвигений падает. Я подробно остановился на вопросе зарплаты вовсе не потому, что прошу как-то пересмотреть этот вопрос, повторяю, зарплата научных работников вполне достаточна, я хотел бы развеять миф о том, что якобы ученые в НИИ-1011 (так же как и в КБ-11) находятся в каких-то преимущественных условиях по сравнению со своими товарищами в Москве или Ленинграде.

Мне представляется, что если не принять срочные меры, то институты МСМ — НИИ-1011 и КБ-11 — постепенно превратятся в заштатные КБ, захламленные неспособными, слабыми работниками, постоянно выдвигаемыми на высокие посты вследствие недостатка людей необходимой научной квалификации. Мне кажется, что только ЦК КПСС может исправить положение. По-моему мнению, МСМ не в силах провести сколько-нибудь существенную мобилизацию научных сил. При всем желании у него нет для этого никаких средств и рычагов.

Я прошу Вас дать указание проверить положения, высказанные мной в этой записке, и разработать систему мер, способствующих прекращению ухода и стимулирующих притоков научных сил в НИИ-1011. Мне кажется, что эти меры должны прежде всего устранить перечисленные выше препятствия, вызывающие опасения у ученых.

Наконец, необходимы указания о беспрепятственном отпуске на работу к нам тех товарищей, которые этого желают. Ведь хороших работников никто добром не хочет отпускать.

Прошу Вас принять меня для беседы по затронутым мною вопросам.

Член КПСС с 1940 г. научный руководитель и главный конструктор НИИ-1011 МСМ
К. Щёлкин